

НОВЫЙ ЗРИТЕЛЬ

18 ноября
1928 года

ОРГАН МОСГУБПОЛИТПРОСВЕТА и УМЗП

Москва, 9, Страстная пл., 2/42. Театро-кино-печать. Тел. 3-32-46
Прием в редакции — понедельник, четверг от 2 до 3 ч.

№47 (254)

пятый год издания

ПО - ЮБИЛЕЙНОЕ...

Отзвучали фанфары. Замолкли бурные всплески неистовых, невиданных оваций.

Погасли праздничные огни.

Юбилейная сутолока закончилась. Расходившееся море восторженной юбилейной толпы рассосалось. Будни вступили в свои права. МХТ Первый переступил высокий порог своего тридцатипятилетия.

К. С. Станиславский в своей настоящей русской манере выступлений спал «низкий поклон» в первую очередь «нашему правительству» — за то, что оно дало театру возможность спокойно расти и перевоспитываться, не заставляя его насильно ставить революционные пьесы.

И К. С. был прав: театру дана полная свобода и возможность зреть самостоятельно и органично.

Этому новое и лишнее доказательство — характер самого юбилея и всех обращений к театру, какие он в этот вечер услышал.

Нами проявлен огромный, совершенно исключительный такт и сдержанность по отношению к этому столь хрупкому художественному организму, какому является МХТ, о чем он нам сам неустанно и настойчиво напоминает.

И действительно — в центре красной Москвы, в сердце мирового пролетариата, в двух-трех шагах от «страшного», ужас на весь «цивилизованный» мир наводящего Кремля, на Камергерском, не было произнесено в десятках речей ни одного классово-резкого, «шокирующего» нежного, чуткого и чувствительного уха слова. Все было в рамках «приличий»: бальные платья, фраки, смокинги, европейские гости, без конца церемонные поклоны и рукопожатия, торжественные выходы, изысканная, витиеватая речь и т. п. и т. п.

Ни одной синей блузы, угловатого жеста, или неуклюжего слова, фразы — все ласкало глаз и ухо, даже самые притязательные, самые требовательные. Нам даже кажется, и думаем, мы не ошибемся, если рискнем сказать, что такие слова, как марксизм, пролетариат, классовая борьба, ни разу в этот вечер не нарушили гармонии торжества.

Всем, что здесь написано, мы вовсе не хотим выступить в роли «неистовых детей» (enfants terribles), грубо нарушающих с таким трудом налаживаемую гармонию и мир на фронте театра. Мы лишь, по своей обычной, старой (и доброй) привычке думаем, что на этом юбилее все-же было мало ТРЕБОВАНИЙ с нашей стороны; ибо —

1) Одно дело, если характер юбилея, где не было НИ ОДНОГО выступления от рабочей органи-

зации, есть «тактика», (однако, «своеобразная» в рабочем государстве), — другое дело, если кто-нибудь подумает принять этот пышный парад за совершенно чистую и окончательную монету.

2) Одно дело, если мы в речах и приветствиях проявляем гуманную (здесь спор может быть лишь о количестве) снисходительность к трудно переживающим свое новое рождение, а другое дело, если наше увлечение гуманностью простирается так далеко, что превращает эту гуманность в некое КАЧЕСТВО нашего отношения к факту, в данном случае МХТ Первому.

3) Одно дело, если мы взором опытного врача у постели больного прописываем режим, следя за пульсом пациента и памятуя свою роль мудрого и осторожного лекаря, — другое дело, если в ЛЕЧЕБНЫХ целях делая больному послабления, мы забываемся, переставая отличать собственные средства к цели от самой цели, которая начинает ускользать.

Опасность своеобразного «перерождения» в области отношения нашего к искусству и его носителям довлеет над нами несомненно, ибо в этом отношении враг бесспорно во много раз сильнее нас. Нам нужно быть очень и очень на чеку и помнить о судьбе римской культуры, когда она пришла в соприкосновение с высшей культурой побежденной Греции.

Здесь мы — победители — также пришли в соприкосновение с «высшей» культурой, по крайней мере, ФОРМАЛЬНО, — с культурой иной субстанции (основы) и должны как зеницу ока свою основу понимания культуры крепко беречь, чтоб не оказаться «побежденными победителями».

Урок тридцатипятилетия МХТ Первого не должен для нас пройти даром и напомнить нам, что ТОН и МУЗЫКУ его, к сожалению, создавали НЕ МЫ: для этого у нас не хватило, не СТОЛЬКО сил, (мы бы этого не сказали), сколько УМЕНЬЯ и ОХОТЫ: мы совсем не использовали исключительных преимуществ своего положения, мы увлеклись тактикой настолько, что она стала выглядеть политикой.

И, поэтому, ответственнейший момент в жизни МХТ Первого прошел при нашем соучастии и неосторожной пассивности не ПОД НАШИМ ЗНАКОМ. А это должно и объективно и субъективно укрепить в МХТ Первом, в нашем театре вообще и его окружении тенденции, ведущие к УДЛИНЕНИЮ ПУТЕЙ ТЕАТРА К СОВРЕМЕННОСТИ.

Опасения этого рода и продиктовали нам настоящие отрезывающие строки.

БОР. ВАКС